Издано по решению
и с помощью Главы
Димитровграда
В.А.Паршина

В серии "Литературный Димитровград" публикуются произведения членов городского писательского отделения СП России. В этих книгах представлено все лучшее, что создается их авторами на земле Причеремшанья, что имеет литературную и историческую ценность, обогащает культурный облик города.
Серия начата в честь 120-летия посада Мелекесс, ставшего основой для нынешнего Димитровграда. Восстановление в 1997 году городского самоуправления и первое - после 1917-го - всенародное и демократическое избрание Главы Димитровграда, - положили начало созданию новой страницы в истории местной литературы и культурном обновлении городского общества.

Нонна Алиева
Александр Никонов
Дмитрий Смольников
Анна Филимонова

ЧЕРЕМШАНСКИЙ ПЕРЕВАЛ

посад
1877 1997
Мелекесс

Александр Никонов

ПАХОМОВА НЕДЕЛЯ

Волшебные сказки

Александр Никонов

ПАХОМОВА НЕДЕЛЯ

Волшебные сказки

Книга серии "Литературный Димитровград. Проза"

ПОСАД

1877 1997

МЕЛЕКЕСС

Р 7
Н 55

Александр Федорович Никонов
Пахомова неделя
Сказки

Авторский вариант
Редактор В.Гордеев
Дизайн обложки, титула
и верстка Т.Царевой
Корректор О.Гордеева

Подисано в печать 28.04.97. Форма 60х84/16.
Печать офсетная. Объем 2 п.л. Тираж 5000 экз.
Заказ № 8662.
Совместный выпуск: Издательств "Поинт" - "Посад Мелекесс",
433510, Димитровград, ул.Юнг Северного флота, 107.
Отпечатано с оригинал-макета в Димитровградской типографии,
Димитровград, ул.Юнг Северного флота, 107.

НИКОНОВ А.Ф.
Н 55 Пахомова неделя. Сказки
Димитровград: "Поинт" - "Посад Мелекесс", 1997. 32 с.
Книга серии "Литературный Димитровград. Проза"
Обертка с загл. "Черемшанский перевал"

АЛЕКСАНДР НИКОНОВ - родился в селе Александровка Мелекесского района. Закончил восьмилетку и сельхозтехникум в селе Рязаново. Работал в Свердловской области, служил в армии, где и приобщился к литературному труду.

Первые публикации его были в многотиражных и районных газетах. Тяга к прозаическому слову выражалась в создании очерков, рассказов, сказок. После окончания отделения журналистики Казанского университета работает в редакциях газет. Оттачивая свое литературное мастерство, Никонов переходит к созданию повестей, романов.

К его творчеству обращаются писатели на литературных семинарах в Ульяновской области, Поволжья, России. Некоторые произведения Никонова выходит в свет в общих сборниках литераторов Поволжья. Настоящий же выход талантливого димитровградского прозаика к читателю состоялся только сегодня, только этой книгой.

Н $\frac{7-4-7}{38-97Д}$

ISBN 5-86646-094-7

ИВАНОВО БОГАТСТВО

Кто чего копил - никому не говорил; кто чего найдет - обувочку порвет; кто года прожил - сединочки нажил...

Вобщем, жили-были, были-вили, мыли-шили, шили сказочку мою. Да не только белыми ниточками, ниточек в сказке нет - вот и весь мой ответ.

Итак, жили-были старик со старухой. Жили ни бедно, ни богато: и денежки водились, и хозяйство какое-никакое подняли, и детей вырастили: трех сыновей, трех подлеточков. Пришла пора им жениться. Ну, женить - не растить, лишь за стол гостей усадить. Сыграли свадьбы. Первый, Антон, взял в жены из торговой семьи; второй, Петр - из крестьянской, а третий, Иван - сироту.

Собрал старик сыновей и снох в своем доме и говорит:

- Вот что, дорогие детки, у нас с матерью не за горами старость, пора и о наследниках подумать. И вот что мы решили: хозяйство, которое мы нажили, делить - лишь только зорить, и, значит, у него должен быть один хозяин. А хозяином будет тот, кто скопит за пять лет самое наибольшее богатство. Так что с Богом. - И перекрестил детей.

Все молодые разъехались домой

Антонова жена говорит мужу:

- Вот что, муженек, будем житьэкономно, каждую копеечку в копилку опускать; деньги - это самое главное богатство, на них все можно купить.

- А все ли? - сомневается Антон.

- Конечно, все: и дом, и одежду, и еду, и всякую ерунду.

- Ну что ж, тебе видней, - согласился Антон.

Тесть деньгами ссудил, товаров разных накупил. Что ни продаст Антон - все в прибыток, что ни денежка - то в копилку.

У Петра своя задумка: пошел в батраки зарабатывать пятаки. Целый год отбатрачил, на заработанные деньги всякой живности накупил: корову, телка, овец, поросят, кур, гусей и прочих разных живностей. Что ни год множится у Петра хозяйство. Весной корова принесла телку, овцы ягнят наплодили, свиньи - поросят, гусочки - люлят. Так и пошло год от году. Скоро у Петра весь двор был забит скотиной.

Ну, а Иван о богатстве не тужит, лишь с любимой женой да с соседями дружит. Ничего не нажили Иван с женой, лишь детей народили: мальчика, девочку да еще одну - незнашку.

Пришел срок к отцу с матерью возвращаться, богатством хвалиться: Антон с женой привез на телеге бочку с деньгами, Петр целый двор живности нагнал, а Иван-простодыра с беременной женой идет и детишек за руку ведет. Бросилась было старуха к детям, а дед ее остановил и говорит:

- Вижу, детушки, что не зря вы пять годков прожили, порадовали отца с матерью, эвон сколь всего понавезли да понагнали.

Подошел к старшему, Антону.

- А ну, показывай свое богатство.

Принес Антон топор, из кадки дно вышиб, и полились из нее деньги ручьем: и золотые, и серебряные, и медные, и ассигнации.

- Ну что ж, старшой, хорошо, деньга всегда сгодится! Ну, а твое богатство, Петя, и так всем видно, как говорится: не богатство вас наживало, а вы богатство нажили.

Подошел отец к младшему сыну:

- Ну а ты, Иван, чем порадуешь?

Иванова жена поклонилась старикам в пояс.

- А мы, батюшка с матушкой, понаведать вас приехали, вот пирогов вам привезли с брюквой да клюквой, яйцами да зеленым луком. Отведайте, не побрезгуйте.

- Хорошо, хорошо, сношенька, ужо поедим. А где же ваше богатство?

Иван потупился, землю глазами ест, а жена отвечает:

- Не нажили мы, батюшка, никаких богатств, а привезли своих детушек на бубушку с дедушкой посмотреть, которые жизнь их батюшке дали.

- Ну что ж, - отвечает старик, - прошу всех в дом родительских щей отведать и решение наше поведать.

Сидит дед за столом, щей ложку отведал и чашку в сторону отодвинул, пироги трескает и нахваливает:

- Ох и хороши пироги! Еще бы курничка сдобного.

Все жены встали и говорят:

- Испечем, батюшка.

- Да деньжат бы - дом починить...

Тут встали Антонова и Петрова жены:

- Возьмите, батюшка.

- Да внучат бы миленьких...

Тут встала одна Иванова жена, привлекла детей под руки белые.

- Да вот же они, батюшка и матушка.

Поднялась старуха, обняла своих внучат и расплакалась, а дед и говорит:

- Вот и весь вам расклад, дорогие сынки. Ты, Антон, и ты, Петр, старшие, сами себе большие, с голоду не умрете, сами себя прокормите. А вот одно позабыли: деньги - хорошо и хозяйство - хорошо, а дороже детей ничего на свете нет. Значит и самый богатый из вас тот, кто больше детей имеет...

Итак, жили-были, были-вили, мыли-шили, шили сказочку мою. Да только не белыми ниточками...

ХРАБРЫЙ БОРОВИК

Давным-давно, когда солнце светило круглые сутки, жили в лесном царстве грибы. Жили они весело и дружно: играли в прятки, водили на полянах хороводы, а наигравшись работали. Грузди носили в своих шляпках воду и поливали цветы, волнушки шили юбочки для опят, маслята готовили еду, да и другим дел хватало. Жили грибы - беды не знали.

Но однажды лесное царство покорил злой царь Кряж. Приказал он стражникам-мухоморам согнать весь грибной народ на поляну. Вышло из леса страшилище: борода из жгучей крапивы, голова - обгоревший пень с дуплом вместо глаза, не ноги, а засохшие корни. Встал Кряж - солнце затмил, да так захохотал, что деревья до земли нагнулись и птицы упали замертво:

- Ха-ха-ха, что это за замухрышки такие! Вас и в траве-то не видать! Ну да ладно. Отныне приказываю всем поливать мои сухие корни, пока они не оживут и на моем могучем стволе не распустятся зеленые ветки.

Ха-ха-ха, по секрету скажу, что мне нравится царица-березка, на которой я хочу жениться. Не представать же мне перед ней в таком неприглядном виде.

Ха-ха-ха! Смотрите же, кто ослушается меня, того прикажу казнить, а кто пойдет ко мне в услужение, того сделаю самым главным среди вашего паршивенького народишка, ха-ха-ха!

Но никто не захотел идти в услужение к проклятому Кряжу, кроме предателей мухоморов, бледной поганки и ядовитой плесени.

Много лет носили грибы воду под корни сухого Кряжа. Даже солнце пожалело их и стало прятаться за горизонтом. С тех пор на земле установились день и ночь.

Однажды грибы увидели, что из-под листьев выглянул маленький Боровичок. В первый день он шляпку показал, на второй - крепкую ножку вы-

ставил, а уж на третий стал настоящим богатырем.

- Откуда ты появился? - спрашивают его грибы.

- Я послан матерью-ночью, чтобы освободить вас из неволи.

- Ой, берегись, храбрый Боровик, узнает Кряж - не быть тебе живому.

А стражники-мухоморы тут как тут, набросились на богатыря. Да не тут-то было - Боровик лишь плечиками ворохнул, они все в строны и разлетелись. Стражники побежали к Кряжу, в ноги бросились.

- Повелитель наш, появился в вашем царстве богатырь Боровик, грозится он вас одолеть.

Разозлился Кряж, затопал ножищами, закричал:

- Я его в тюрьме сгною. Да как он осмелился, да знает ли он, что я самый сильный на всем свете! Сейчас же заковать его в цепи и отправить навечно поливать мои корни!

- Повелитель наш, не казни нас, а выслушай. У Боровика сила невиданная, хотели мы его схватить, да ничего не вышло.

Тогда послал Кряж целое войско. Видит богатырь - не справиться ему с такой силищей, пригорюнился. Подошел к нему старый мудрый дождевик и говорит:

- Не горюй, Боровик, мы тебе поможем. Эй! - крикнул он опятам-молодцам. - Принесите-ка ключевой водицы богатырю напиться!

Мигом обернулись опята. Выпил Боровик ключевой воды и почувствовал в себе силы втрое больше прежнего.

- Ну, держись теперь, поганое семя! - крикнул он и пошел крушить мухоморное войско. Целый день, с утра до захода солнца, дрался с ними отважный Боровик. Чувствует Боровик, что силы его иссякают, кричит он опятам:

- Братцы, воды подайте, а то упаду!

Выпьет и снова в бой. Только к ночи дрогнули мухоморы, побежали.

Понял Кряж, что богатыря силой не возьмешь, и решил извести его хитростью. Приказал он плесени и поганке отравить богатыря. Встал утром Боровик, пить захотел. Только поднес листовый ковшик ко рту, как из кустов выбежал маленький масленок и закричал:

- Не пей, Боровик, вода отравлена!.. - И рассказал все, что видел ночью.

Узнали об этом грибы, возмутились и решили наказать предателей: плесень опустили навечно в сырое подземелье, а поганку в болото посадили. Там они и по сей день находятся.

Думал Боровик, думал, как Кряжа одолеть, да так ничего и не придумал. Решил сходить к мудрецу-Дождевику. Выслушал его старый, покачал седой головой.

- За трудное дело взялся, сынок. Слышал я, что только Золотая Молния может с Кряжем справиться. А где искать ее, не знаю.

- Спасибо, дедушка, я найду.

Попрощался Боровик со своими друзьями и отправился в путь-дорогу. Долго ли шел, нет ли, забрел богатырь в дремучий лес, где стояли засохшие деревья. Схватили они Боровика сухими ветками и спрашивают:

- Кто таков, куда путь держишь? Если с добром идешь - отпустим, если со злом - засушим тебя на солнце.

- Я Боровик, сын Ночи. Ищу я Золотую Молнию, она поможет одолеть царя Кряжа, который поработил грибной народ. Только не знаю, как добраться к ней.

Отпустили Боровика деревья, заскрипели:

- Кряж - наш старый враг. Это он высосал изпод наших корней всю воду. Мы поможем тебе. Золотая Молния живет в Черной Туче, но она беспомощна без могучего Ветра. А Ветер живет в огромной пещере на краю леса. Иди к нему, может быть, он поможет тебе, храбрый Боровик. Только вот тебе наш совет: ты привяжись у пещеры к нашему брату дубу, иначе Ветер сдует тебя со скалы, и ты разобьешься.

Поблагодарил их Боровик и пошел дальше. Лишь на третий день вышел из он леса и увидел огромную гору, а на вершине ее - пещеру. Забрался Боровик на гору, смотал с пояса пеньковую веревку и привязался к дубу.

- Эй, могучий Ветер, выйди на волю, я хочу поговорить с тобой!

Зашаталась пещера, затряслась, выскочил из нее Ветер да как закричит:

- Кто осмелился потревожить мой сон?!

И тут такой вихрь поднялся, что дуб, за который привязался Боровик, как веточка до земли нагнулся.

- Это я, Боровик, сын Ночи.

- Зачем пожаловал, храбрый Боровик?

- Пришел я к тебе от своих грибов-братьев за помощью, могучий Ветер. Наш лесной народ мучает злой царь Кряж. Помоги нам.

Тяжело вздохнут Ветер, голову вниз опустил.

- Не могу я вам помочь, храбрый Боровик.Зря пришел, бессилен я против Кряжа.

- Зато, сказывал мне сухой лес, ты властвуешь

над Черной Тучей, в которой живет Золотая Молния, пригони ее к нам.

Отвечает Ветер:

- Вижу, Боровик, что ты не о себе одном печешься, поэтому помогу тебе. А ну, показывай дорогу.

Подхватил Ветер Черную Тучу и погнал ее по небу, а Боровик впереди бежит, дорогу указывает.

Увидел Кряж Черную Тучу, хотел бежать, да поздно - сверкнула Золотая Молния. Так и сгорел он безвозвратно.

И тут пошел теплый, пенистый ливень. Грибы спрятались под деревьями, да так и приросли там. С тех пор те грибы, что растут под березами, называют подберезовиками, что под осиной - подосиновиками, а что под дубом - поддубовиками.

Стражники мухоморы разбежались и по сей день стерегут только старые сухие деревья.

ПЯТЬ БРАТЬЕВ

Жили-были пять братьев, пять бравых молодцов. Старшего звали Наладоном, второго - Указом, третьего - Срединοм, четвертого - Безымянном, ну а самого маленького - Мизином. И до того они были старательными да работящими, дружными да ловкими, что люди любовались, глядя на них, и говорили:

- Коли их пять, то реку повернут вспять.

И правда, были братья на все руки мастера: могли и сапоги тачать, и землю пахать, и сено косить, и ложку ко рту подносить. Где ни какое дело, тут они вместе, тут они одной ухваткой.

Все бы хорошо, да приключилась беда. Чем больше братья работали, тем больше их хозяин богател. И, видно, зазорным показалось ему овчинную рукавицу носить, поменял он ее на лайковую перчатку. Работать бросил, лишь пил, гулял да приказывал. Совсем отвыкли братья работать, только и оставалось, что языками чесать. Особенно Указ важничал:

- Нет, братцы, что ни говорите, а я из вас самый наиглавнейший. Хозяин мной только и указывает: это сюда, это туда, это мне. Коли я не укажу, никакое дело у хозяина не получится. Вот я каков!

Все молчат, ну что тут скажешь - так оно и есть. Совсем изленился хозяин, только и знает, что тыкать да указывать. Обиделись братья - мы же и виноваты! - и решили уйти.

Встал утром хозяин, смотрит, а пальцев-то на руке нет, один указательный свернулся калачи-

ком и дрыхнет. Заплакал хозяин:

- Что же я теперь делать-то без них буду?!

А тем временем братья были уже далеко. Из села вышли, по мосту через речку перешли, добрались до большого дремучего леса и решили передохнуть.

- Ну, что дальше будем делать, братцы? - спросил Наладон. - Уйти-то мы ушли, но и сами без дела остались.

- Надо решать, - вздохнул Средин, - иначе от скуки умрем.

- Может быть, вернемся, братья, - пропищал Мизин. - Все равно мы без хозяина не работники.

- И то правда, - поддакнул Средин.

Оглядел всех Наладон, нахмурился.

- Негоже, братцы, от намеченного отступать. Хозяину мы все равно не нужны. Ты что скажешь, Безымян?

- А я вот что скажу, ребята: пойдем-ка походим по белу свету, может быть, кому и пригодимся.

- Можно и свет поглядеть, и себя показать, - снова согласился Средин.

На том и порешили.

И отправились братья в путь. Близко шли, далеко ли, один ветер знает. В конце концов забрели они в какую-то деревушку. Все дома в ней заколочены, мертво на улицах, даже в скворечниках воробьи не живут. Лишь в одном домике окошки светятся. Постучались братья. Впустила их седая старушка, напоила, накормила и стала расспросы вести: кто да куда, да зачем. Рассказали ей братья о своем горе, и она своим поделилась:

- Деревня наша давно опустела, все в город уехали жить. Одна я со стариком осталась здесь. И он недавно умер, а я - калека, ничего делать не могу, трудно даже корову подоить. В войну мне руку молотилкой оторвало, когда хлеб для фронта молотили. Родные не оставили бы в беде, но и их никого не осталось.

- Не беспокойся, бабушка, - ответил за всех Наладон. - Нам бы только работа была, остальное - не беда.

- Вот спасибо, милые, - обрадовалась старушка.

Только зорька ранняя взойдет, а братья-молодцы уже во дворе. За неделю они и дом починили, и погреб поправили, и колодец почистили, и дров на пять зим наготовили, и сена коровке накосили. Глядит старушка, и дел-то вроде не осталось.

- Спасибо, дорогие мои работнички. Рада бы я вас отблагодарить, да не знаю чем.

Смеются братья:

- А ты уже отблагодарила, бабушка, потому что работа для нас - самая большая радость.

Попрощались братья, пожелали доброго здоровья и дальше пошли. На третий день добрались они до большого леса и решили тут переночевать. Устроились под деревом в травке и заснули. А утром протерли глаза и видят - перед ними великан стоит и смеется:

- Это что за заморыши в моем лесу появились, таких я сроду не видывал.

- А ты кто такой? - спрашивает Наладон.

- Я-то? Я царь этого леса Елей, разбойными делами занимаюсь.

Не знали наши братья, что это за дела такие. Да и откуда знать, коли заниматься ими не приходилось.

- А не возьмешь ли нас в помощники? - спрашивает Безымян.

- Отчего не взять, мне помощники во как нужны, потому что одному несподручно бывает, - отвечает Елей.

А скоро и дело подвернулось. Разбойник говорит:

- Ну, готовьтесь. Сейчас с ярмарки по этой дороге торговцы поедут, ваше дело кричать посильнее, мол, помогите, помогите! чтобы они остановились. Понятно?

- А потом? - спрашивает Наладон.

- А потом и будет самая главная работа, - захохотал Елей. - Ну, согласны?

- Согласны, - отвечают братья.

Так и сделали. Только повозка остановилась, как Елей связал крестьян и все добро у них отобрал. Тут поняли братья, что за работа у разбойника, и закричали:

- Это нечестно! Не будем заниматься грабежом! Ты обманул нас! - А Наладон добавил: - А ну, отпусти сейчас же людей.

- Ишь, чего захотели! - засмеялся Елей с издевкой.

Тут Наладон обратился к братьям:

- Ну что, повеселим "царя", братцы?

И давай его щекотать: и подмышками, и в носу, и по бокам. Пока Елей корчился да хохотал, крестьяне побросали в повозку свои пожитки, братьев посадили и умчались. Поблагодарили крестьяне наших братьев за выручку, накормили, напоили и домой поехали.

А братья пошли своей дорогой. Долго шли по степи, пока не увидели у реки кровавоё побоище. Вокруг убитые лежат, всадники по полю носятся, стон, крики, звон оружия, ржанье лошадей. А у

самой воды лежит раненный богатырь и с тоской в сторону сражения смотрит. Подбежали к нему братья, спрашивают:

- Чем помочь тебе, богатырь?

Отвечает воин:

- Ничем вы не поможете, друзья мои. Напали на наше государство враги. Второй день мы с ними бой ведем, но силы наши на исходе. Вся надежда на меня была, но и меня враги ранили. - И показывает беспалую руку. - Не могу меч в руке удержать. Видно, близится наша погибель.

- Братцы! - закричал Наладон. - Не позволим черному ворогу затоптать свободную землю!

- Не бывать этому! - поддержали его братья.

И тут, словно по волшебству, ожила рука могучего бойца. Поднял богатырь свой тяжелый меч, вскочил на боевого коня и ринулся в бой. Дрогнули враги, увидев восставшего богатыря, и побежали прочь.

- Спасибо, друзья, спасибо, молодцы, - поблагодарил после боя богатырь. - Не дали вы врагу надругаться над нами. За это низкий вам поклон...

И опять остались братья одни. Долго еще ходили они по белу свету, помогая обездоленным и слабым. Однажды Мизин вздохнул:

- Эх, братцы, как домой хочется.

- Как там наш брат Указ поживает? Небось, все нежится.

- Да и хозяину нашему, наверное, тяжело.

- А не пойти ли, ребята, домой. Думаю, нам и там дело найдется, - предложил Наладон.

Пришли братья в свою деревню, видят - идет навстречу человек в лохмотьях, беспалую руку протягивает и просит:

- Подайте на пропитание, не дайте умереть с голоду, люди добрые.

И люди бросали в его котомку кусочки хлеба или сыра, мелкие монеты, а кто и старое тряпье.

- Глядите, братцы! - крикнул Мизин, - да ведь это наш хозяин.

- Пойдемте скорее к нему, - предложил Безымян.

- А нужны ли мы ему? - засомневался Средин.

Но Наладон сказал свое веское слово:

- Негоже покидать человека в беде. Может быть, нужда его научила, и он понял, что бездельем ничего не наживешь.

Прыгнули братья на протянутую ладонь. Средин толкнул Указа в бок.

- Ну-ка, подвинься, развалился тут один, как барин.

- Братики, родные мои! - закричал от радости Указ. - Наконец-то вы вернулись. А мы вас так

ждали! Простите меня, братцы, не прав я был. Ведь мы сильны, когда вместе.

- Опять ты вперед выскакиваешь, братец Указ. - Наладон укоризненно покачал головой. - Ну да ладно, что было, то быльем поросло.

Хозяин заплакал от радости, прижал братьев к груди.

- Милые мои, верные вы помощники, как я рад, сказать невозможно! Проучили вы меня, и поделом мне. Век не забуду вашей науки.

ДВА ЗАЙЧИКА

Жил в лесу зайчик, самый настоящий - с длинными ушами, коротким хвостиком и пушистой шубкой. Был он веселым, смешным и любопытным. За это и прозвали его все лесные звери Любознайкой. Любил Любознайка покувыркаться, покататься по ласковой травке и попрыгать с другими зайчатами.

Однажды случилось так, что Любознайка остался один. Играл он у речки и вдруг видит - на берегу что-то светлое прыгает. Подбежал к пятнышку и спрашивает:

- Эй, ты кто?

- Я? - удивился тот. - Не видишь что ли, я - зайчик.

- Ты?.. Зайчик?.. Ха-ха-ха! Так я тебе и поверил! Какой же ты зайчик, если у тебя ни ушей, ни ног нет? Вот я - зайчик настоящий.

- Я тоже зайчик, только солнечный, - отвечает светлое пятнышко.

- Солнечный? Разве бывают такие зайчики?

- Бывают. Я... я и бегать умею. Давай побежим наперегонки. Ты вот быстро бегаешь, а я еще быстрее.

- Давай, посмотрим, какой ты бегун, - согласился Любознайка да как припустит во весь дух. Прибежал на другой конец поляны, а солнечный зайчик уж там сидит.

- Ты только хвостиком шевельнул, а я уж тут был.

Почесал Любознайка лапой за ухом.

- Да-а, бегаешь ты быстро, но давай спросим у кого-нибудь, зайчик ты или не зайчик...

Побежали они по опушке, перепрыгнули через ручеек, присели отдохнуть.

- Ты устал? - спрашивает Любознайка.

- Нет, солнечные зайчики никогда не устают.
- А ты боишься кого-нибудь?
- Я боюсь только тучу.
- Ха, туча! Что она может сделать? Вот если лиса встретит...

Только так сказал, а из кустов лиса и выходит.
- Здравствуйте! Что вы тут делаете?

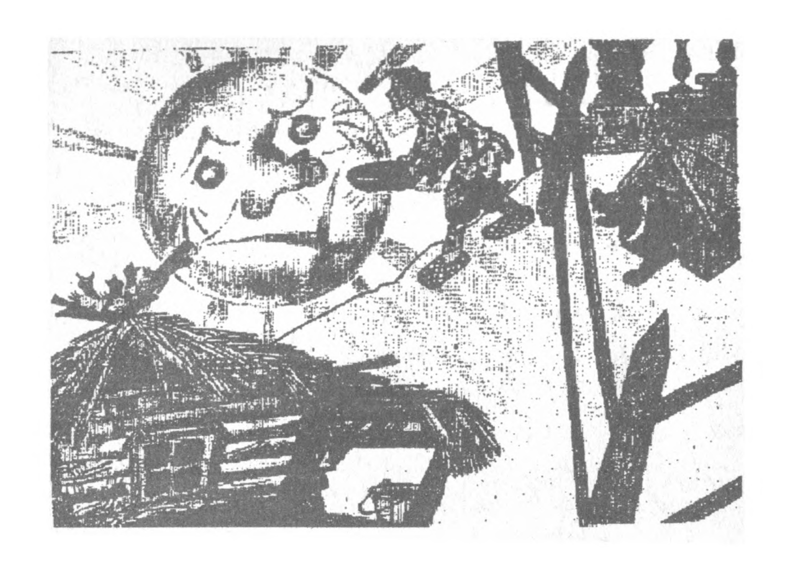
Хочет Любознайка ответить, а язык не слушается, сам весь дрожит и уши поджал. А лиса облизывается.
- Давно я тебя, заяц, встретить хотела.

Не выдержал Любознайка, как махнет в кусты - и деру. Лиса за ним. Вот-вот догонит. Тут солнечный зайчик и ослепил лису. Завертелась рыжая, закрутилась и понеслась сослепу по пням да по оврагам.
- Ну и храбрый же ты! - удивился Любознайка. - Здорово ее напугал! Если бы не ты, съела бы меня лиса и хвостика не оставила. Спасибо тебе.

Пошли они дальше, видят: ежик землянику собирает. Наденет ягодку на иголку и дальше идет...
- Здравствуй, ежик.
- Здравствуйте. Куда путь держите?
- Хочу узнать, бывают ли солнечные зайчики?- спрашивает Любознайка.
- Да вот же он, рядом с тобой. - Только так ежик сказал, как туча заслонила солнце, и солнечный зайчик растаял.

Заплакал Любознайка:
- Он настоящим другом оказался... А я-то над ним смеялся... Что же я делать без него буду...
- Не плачь, Любознайка, - успокаивает ежик. - Вот выглянет солнышко из-за тучи, и вернется к тебе твой друг.

Чурбачок

Ехал из леса мужик-неряха и уронил с телеги три чурбачка-суковичка. А тем временем шел с базара мужик по имени Петр, увидел на дороге чурбачок и думает: "Ну куда мне его, - ни на истопку, ни на лучину, ни на лыко - одни сучки". Пошел дальше и увидел второй чурбачок, почесал голову. "Эх, ты, - думает, - а ведь двумя чурбачками и печь можно было истопить". Да лень Петру возвращаться, а один чурбачок и брать не стоило. А когда Петр на третий чурбачок наткнулся, понял, что сотворил глупость. "Ладно, - думает, - прихвачу хоть этот". Пришел домой, расколол чурбачок и баню истопил. Сам с женой помылся и детишек напарил.

А следом за Петром шел Степан, сам собой - великан. Увидел чурбачок и думает: "Ну зачем он мне, ни доски из него, ни порожка, вон какой сучклявый". Через какое-то время второй чурбачок увидал, поднял его, осмотрел - уж больно хорош чурбачок, без сучочка, без трещинки. Пришел домой и бросил его в запечье, авось пригодится когда-нибудь.

Жена щей наварила, на стол подала. Взял Степан в руку ложку, а край-то у нее весь выщербленный, взял другую - эта и вовсе вся потрескалась, взял третью - а у нее ручка отваливается.

Поел кое-как Степан, вытащил из запечья чурбачок и настругал из него ложек. Хороши вышли ложки: гладкие, блестящие, сами ко рту просятся. Об одном только пожалел - что второй чурбачок не прихватил.

Ну, а за Степаном проходил той дорогой Иван. Увидал чурбачок, поднял, в руках повертел, улыбнулся чему-то и сунул его подмышку. Дома Иван взял инструмент и ушел в свою мастерскую. День его нет, второй нет. Родные беспокоиться стали - уж не случилось ли чего! А тут Иван появился, держит в руках куклу, да уж такую красавицу, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Иван улыбается, жена улыбается, а детки от восторга пляшут, смеются, кричат, видно и им эта кукла понравилась.

Так-то вот! Потерял мужик-неряха не просто чурбачки, а чистоту, пользу и красоту.

ТРИ ИСТИНЫ

Закончил Иван учебу. Отец принес ему хлеба ломоть да кувалду пудовую, спрашивает:

- Ну-ка скажи, Иван, что из них тяжелее, а что веселее?

Сам глаза в густые брови прячет, а усмешку - в усы. Прикинул парень в одной руке кувалду, в другой - ломоть хлеба и со смехом отвечает:

- Что ты, батя, меня дурачишь. Конечно, кувалда тяжелее, а хлеб веселее.

Нахмурился отец.

- Хоть и грамотен ты стал, да не учен. Походика по белу свету, посмотри, поучись. А научишься - домой приходи.

Мать подорожников напекла, обняла сына, всплакнула. Пошел Иван своей дорогой. День идет - песенки поет, второй идет - посвистывает. На третий день грустно ему стало - припасы-то родительские кончились. Еле ноги донес до села Кузнечного. Из каждого двора веселый перезвон доносится. Попросить бы у кого хлеба, да стыдно - все работают, а он бездельничает. Вошел в одну из кузниц, видит - старик молотом машет. Да не получается у него ничего: то поковку перекалит, то кувалдой промахнется, то горн у него потухнет. А у самого печаль в глазах. Поздоровался Иван, спрашивает:

- Что такой грустный, дедушка?

Сел кузнец, пот с лица вытер, закурил и устало вздохнул:

-Был у меня верный товарищ. Сызмальства мы с ним по этой наковальне стучали. Ковали сабли, когда враги родину хотели задушить, отливали пули, когда крестатый хищник на порог наш лез, чинили машины после великой разрухи. Недавно умер мой помощник, да и я совсем поизносился:

глаза не видят, руки не держат, разум затмевается. Пора бы и смену себе готовить, да не из кого.

Выслушал его Иван и говорит:

- Возьми меня в подручные, не пожалеешь...

Старался Иван как мог, всему вроде бы научился. Но прошел срок, сказал кузнец:

- Спасибо, Иван, за подмогу, но не обессудь за слова, которые скажу. Хоть и старался ты, да мало в тебе огня, какого надобно в нашем ремесле. Вот тебе, этим всякая работа оплачивается. - И подает Ивану ковригу хлеба.

"Вот и научила меня жизнь", - подумал Иван и решил пойти домой.

Рассказал он все отцу, а тот и говорит:

- Что ж, кувалдой помашешь - не промажешь.

Прошло время. Опять отец подает сыну ломоть хлеба и кувалду.

- Ну, а теперь что тяжелее, а что веселее?

Взвесил Иван в руке кувалду, поглядел на хлеб, и не знает, что ответить - не зря же отец второй раз об этом спрашивает. А тот посмотрел на сына, покачал головой:

- Видно, жизнь тебя лишь ремеслу научила. Поди-ка, еще поучись.

И опять пошел Иван своей дорогой. На третий день пути добрался до села Бабьего. Прошел по улицам и удивился - кругом ребятишки играют, женщины у колодцев стоят, и ни одного мужчины не видно. Постучал Иван в избу. Отворила ему дверь девушка, улыбнулась гостю, в горницу пригласила, водицей угостила. Попил Иван и спрашивает:

- Скажи, милая девушка, почему в селе мужиков не видать?

Посмотрела девушка ему в глаза и отвечает:

- За других не скажу, добрый молодец. А я потому одна, что старики наши померли, отцы на войне погибли, а помощники еще не выросли.

И стал Иван по дворам ходить да по хозяйству помогать: кому дров напилит и наколет, кому крышу или забор починит, кому сена накосит.

- Спасибо, Иван, за помощь, - благодарили женщины. - На край света уйдешь, а доброта твоя с нами останется.

Когда пришел Изан домой, отец ему снова принес ломоть хлеба да кувалду.

- Ну, скажи теперь, сынок, что веселее и что тяжелее?

Прикинул Иван в одной руке хлеб, в другой кувалду и неуверенно говорит:

- Кувалда, вроде, тяжелее, потому что железная, а хлеб веселее, потому что вкусный.

- Ну, раз так, - отвечает отец, - собирайся в дорогу. Добру научиться - тоже в дело сгодится. Но и это еще не все.

Снова отправился Иван в дальний путь. День идет, второй идет, на третий день еле доплелся до села Хлебного. Видит, в поле крестьяне работают, подошел к ним, поклонился.

- Бог в помощь.

- Бог-то Бог, да сам не будь плох, - отвечают ему. - Оставайся помогать, сейчас каждая минута дорога.

Согласился Иван. С утра до ночи пашет, боронит, сеет, ног под собой не чует. А тут и страда на носу. Иван и косил, и снопы вязал, и молотил. Работал так, что глаза потом заливало. А когда зерно смололи да хлеб испекли, парень и разомлел:

- До чего же хлеб вкусный, никогда такого не едал!

Крестьяне поблагодарили Ивана за работу, дали воз муки да еще домой подвезли. Мать не нарадуется встрече с ним, а отец снова со своим. Смеется Иван:

- Теперь, батя, меня не проведешь. Тяжелее хлеб, потому что он трудно дается, а кувалда веселее, потому что работа великую радость доставляет. Спасибо, отец, век твоей науки не забуду...

С тех пор Иван и сыновей своих наставляет:

- Кувалдой помашешь - не промажешь, добру учиться - всегда сгодится, а хлеб пожнешь - все на свете поймешь!

ТРЕТЬЕ СЛОВО

Жили в одной деревне муж и жена и был у них единственный сын Петр. Рос он тихим, нелюдимым и замкнутым. Вся деревня над ним смеялась, что он невесту себе не может найти - кому нужен такой пентюх. Родители ждали-ждали, когда сын припутится, да так и не дождались. Приехал к Петру дядя и говорит:

- В нашей деревне есть одна девка, Дунька. И всем-то хороша - и лицом не рябая, и работящая, и разворотливая - да больно уж строптива. Оттого и сидит в невестах. Поедем сватать, а я тебя научу, как с нее спесь-то сбить.

Ну, сосватали, привез Петька молодую жену в дом и говорит:

- Жить мы с тобой, Дуня, будем. Только не жди моего третьего слова.

Что за третье слово, думает Дунька, надо бы разузнать. Вот сидят они за столом, обедают. А вокруг стола кот ходит и мяукает. Петька ему говорит:

- Брось кричать, не жди моего третьего слова.

Кот второй раз мяукнул, третий. Петька взял кота за шиворот и отрубил ему голову. Дунька думает: "Ничего себе, третье слово".

Весной отелилась у них корова. Дунька не нарадуется хорошему приплоду, уж такая хорошая телочка. Раз поленилась Дунька накормить телочку, ладно, думает, до утра не умрет. Замычала телочка, есть хочет, а Петька говорит:

- Перестань мычать, не жди моего третьего слова.

А теленок опять - му-да-му! Взял Петька ножик и зарезал телка. "Дура я, дура, - корит себя Дунька, - кабы покормила телочку, она бы не мычала. А теперь дождалась третьего слова".

Посуху собрались ехать к теще. Запряг Петька жеребца. Стали к деревне подъезжать, тут жеребец кобылу увидел и заржал. Петька и говорит:

- Ой, не жди моего третьего слова.

А жеребец что - бессловесная скотина. И второй раз заржал, и третий. Слез Петька с телеги и отрубил жеребцу голову. А ехать надо, говорит жене:

- Дунька, полезай в хомут.

- Да что ты, Петя, я чать не лошадь. - Заупрямилась было Дунька.

- Не жди моего третьего слова, - пригрозил Петька.

Делать нечего, впряглась Дунька в телегу и тащит ее по деревне. Народ смотрит и дивится:

- Глянь-ка, Петька на Дуньке едет, а мы думали - наоборот будет.

Не пожалел Петька кота, телочку и жеребца, зато получил послушную жену.

Тут и сказке конец. Только кому сказка, а кому быль...

КАК СОЛДАТ В РАЮ ПОБЫВАЛ

Было это еще в старые времена. Представь себе, такая штука: напился солдат, упал в грязь да в ней прямо и заснул. Идет мимо генерал с генеральшей. Видят, солдат в луже лежит. Генеральша и говорит:

- Вот, твое это воспитание, солдаты, как свиньи, в грязи валяются.

Генерал отвечает:

- Ничего ты не понимаешь, женушка. Ты думаешь, где сейчас солдат находится? В раю. Будить не хочется, жаль его от райской жизни отрывать. Вернемся назад и спросим, где он находился.

А сам дал потихоньку указание своему ординарцу: взять солдата, обмыть, нарядить и в комнату уложить. А другому солдату приказал в ангела нарядиться.

Просыпается солдат и понять ничего не может. Лежит он в большой комнате, кругом хрусталь и зеркала, деревья растут, а на них птички поют-заливаются. Сам он нежится в белоснежной пуховой постели, в чистой одежде, умытый и причесанный. Увидел ангела, спрашивает:

- Где я?

- В раю.

- А ты кто?

- Я твой ангел.

- А что ты можешь, ангел?

- Все могу, приказывай.

А у солдата голова болит после выпитого, про-

сит ангела:

- Слушай-ка, друг, нельзя ли опохмелиться?

- Схожу к Богу, спрошу, - овечает ангел. Ушел и приносит стакан водки.

- Вот, разрешил тебе Бог принять двести граммов.

Выпил солдат, повеселел. Ну, думает, теперь-то я заживу в свое удовольствие. Солдат только покрикивает, а ангел ему и еду носит, и руки моет, и пятки чешет, и водочки не забывает подносить.

Напился опять солдат и уснул. А генерал велел одеть солдата, как был, и бросить его в калаужину.

Возвращаются генерал с генеральшей. Генерал смеется:

- Не хочет твой солдат уходить из свининого рая.

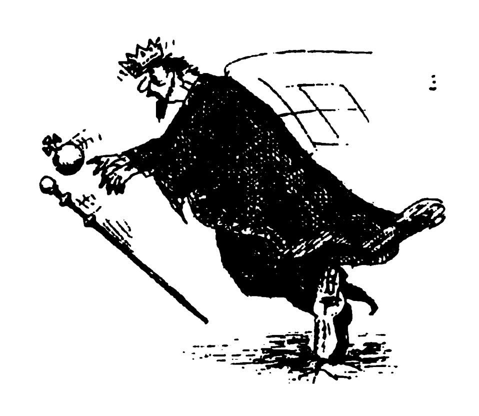
- Где ты был, солдат?

- В раю, господин генерал.

- Как же так, ведь ты, свинья, в этой луже все время валялся! - возмущается генеральша.

- Никак нет, госпожа, в раю я был. Мне сам ангел там прислуживал!

Засмеялся генерал, доволен, что жену свою надул. А солдат думает: "Эх, зря я, видать, в раю пил. За то меня Бог оттуда и вышвырнул". Да что теперь делать - прошлого не воротишь. С тех пор солдат капли в рот не брал, боялся, что в рай не попадет.

ПАХОМОВА НЕДЕЛЯ

Жил-был (а, сказывают, и сейчас живет) мужик по имени Пахом. Ну, Пахом и Пахом, только дело не в том, что жил да был такой Пахом, а в том, попал он однажды в беду, из беды - в сказку, а из сказки в поговорку.

А получилось это вот как. С детства был Пахом тугоухим, то есть недослышивал значит. С кем ни говорит, все ладонь к уху прикладывает: "Ась?". А ему в ответ: "С печки слазь!". Пахом соглашается: "Вот и я говорю - какая сласть!". Однажды пошел он в церковь на воскресное богослужение. Чего там услышал, одному Богу ведомо, только приходит домой и кулаком по столу:

- А ну, жена, подай-ка мне чего покрепче, я по Христу - Богу нашему, радеть буду.

- С чего это? Чать не Пасха. Или без это нельзя радеть?

- Знамо, куда ее столько деть, мне бы только рюмочку. Батюшка наш так и сказал: воскресение - души радение, а как еще мужику пора-

деть, как святого вина не выпить?

Молчит жена, чего тут скажешь, когда сам батюшка так наставляет.

Выпил Пахом первую рюмочку, соколика да пташечку пропустил и опьянел. Утром наскоро собрался и опять в церковь побежал. "Что это с ним, - думает жена, - бывало, вожжами в храм не втащишь, а тут сам". А Пахом вернулся из церкви и снова того же требует, мол, батюшка сказал, что понедельник - похмельник. Что делать? Снова жена подала Пахому.

С тех пор что ни день зачастил Пахом к попу, а как ни придет, всегда есть причина выпить. Жена не знает, что делать, совсем распустился мужик: хозяйство забросил, детей не видит, жену не ласкает, да и люди смеются. Решила сходить к попу и отругать его как следует за дурные советы. Разве этому должен учить своих прихожан слуга Божий? Пришла к попу и сразу руки в бока:

- Что же ты, батюшка, мужика-то моего спортил, как в церковь ни сходит, так вина требует.

- Не может того быть, сестра, - божится поп, - я всегда призываю людей к добрым делам.

- А он говорит, что следовал вашим наставлениям, батюшка. Пришел в воскресенье из церкви и требует вина, мол, батюшка велел.

- Господь с тобой, сестра, я говорил, что воскресенье - души спасенье, всяк в этот день должен грехи свои замаливать.

- А с чего же он тогда? Понедельник, мол, похмельник, вторник - повторник, среда - постница, как опять не напиться? Четверг - перевал, опять Бог дал! В пятницу все дела пятятся, нечего от греха прятаться, а в субботу - так и вовсе не работа! Вот ведь как он говорил!

Перекрестился поп:

- Воистину, Боже, человек слышит то, чего хочет слышать. Видит Бог, сестра, я говорил, что воскресенье - души спасенье, понедельник - задельник, отсюда все дела начинаются, вторник - всем заботам повторник, среда - опять делам череда, четверг - перевал, опять Бог работу дал, в пятницу - седьмица пятится, в субботу - последние заботы, в субботу на работу, в воскресенье - на веселье. Вот что я говорил.

- Хлопнула себя по лбу пахомова жена и поклонилась.
- Прости, батюшка, бес попутал, я и забыла, что Пахом-то мой глуховатый.

Пришла домой и давай муженька своего скалкой охаживать да при этом приговаривать:
- Будешь еще пить да меня срамить?

А Пахом вопит:
- Да за что же меня бить?
- Чтобы черт тебя побрал!
- Я ничего не кра-а-ал!
- Еще раз в церковь пойдешь - поколочу!
- Так и я того хочу!

С тех пор Пахом вино пить перестал, а люди про тех, кто сильно загулял, стали говорить: "Ну вот, опять у него Пахомова неделя началась".

Уразумели, что к чему? Ась?

СОДЕРЖАНИЕ

Издано по решению
и с помощью Главы
Димитровграда
В.А.Паршина

АЛЕКСАНДР НИКОНОВ - родился в селе Александровка Мелекесского района. Закончил восьмилетку и сельхозтехникум в селе Рязаново. Работал в Свердловской области, служил в армии, где и приобщился к литературному труду.

Первые публикации его были в многотиражных и районных газетах. Тяга к прозаическому слову выражалась в создании очерков, рассказов, сказок. После окончания отделения журналистики Казанского университета работает в редакциях газет. Оттачивая свое литературное мастерство, Никонов переходит к созданию повестей, романов.

К его творчеству обращаются писатели на литературных семинарах в Ульяновской области, Поволжьи, России. Некоторые произведения Никонова выходят в свет в общих сборниках литераторов Поволжья. Настоящий же выход талантливого димитровградского прозаика к читателю состоялся только сегодня, только этой книгой.

